

Памяти
А.А СЕМЕНОВА

Александр Александрович СЕМЕНОВ (1873 — 1958)

АКАДЕМИЯ НАУК ТАДЖИКСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ИМ. А.ДОНИША

ПАМЯТИ
АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВИЧА СЕМЕНОВА

Сборник статей по истории,
археологии, этнографии и
искусству Средней Азии

Издательство "Дониш"
Душанбе — 1980

Н. Н. Ершов

ГИССАРСКАЯ АЛАЧА

Таджикское селение Каратаг (Черная Гора) лежит в 50 км западнее Душанбе на территории Регарского района Таджикской ССР. В конце прошлого века Каратаг был летней резиденцией, куда на лето переезжал со своим гаремом и "двором" гиссарский бек, спасаясь от жары, лихорадок и миазмов заросших камышами болот, окружавших Гиссар.

В 1907 г. Каратаг был полностью разрушен землетрясением и никогда потом не восстанавливался полностью. Лишь после Великой Отечественной войны селение стало немного отстраиваться, и сейчас в нем насчитывается около 500 хозяйств.

Каратаг называли "кони касабато" - средоточием ремесел. Действительно, каратагские ремесленники были весьма многочисленны и широко известны. Можно сказать, что население было почти полностью обеспечено всеми нужными ему предметами потребления за счет изделий местного производства. Здесь было много искусных кузнецов, наиболее опытные из которых владели секретом изготовления дамасской стали. Каратагские ножи и сабли ценились не только в Бухарском ханстве, но и далеко за его пределами - в Афганистане, Иране и даже Малой Азии. По преданию, эмир Бухары послал в подарок турецкому султану саблю из дамасской стали работы каратагских мастеров.

В Каратаге было много и золотых дел мастеров, медников, литейщиков, деревообделочников, кожевников, сапожников, мыловаров и свечников, ремесленников, изготавливавших продукты питания - пекарей, кондитеров, содержателей чайных и столовых и пр.

Каратагские гончары были известны своей добротной

глазурованной керамикой, расходившейся широко по Гиссарской долине. Наиболее искусные из них изготавливали довольно тонкую фаянсовую посуду с росписью кобальтом по белому или голубоватому фону.

Однако наиболее многочисленным был цех ткачей, в который входили и все обслуживавшие ткачество ремесленники: красильщики, сновальщики, вязчики ремизок и берд для ткацких станков и пр. По рассказам старожил, в Каратаге и его округе перед революцией работало до трех тысяч станков.

Ткачество существовало в Каратаге, по-видимому, с самого основания города, что, по преданию, произошло около 300 лет тому назад. Однако особого развития оно достигло после присоединения Гиссарского края к Бухарскому ханству, когда в связи с присоединением Туркестана к России прекратились междоусобицы и появилась возможность спокойно заниматься хозяйством и ремеслами, когда наладились регулярные торговые связи, способствовавшие как сбыту продукции, так и завозу необходимых для ремесленного производства материалов. Именно в этот период Гиссарское бекство включилось в торговую жизнь Средней Азии, а шелковые ткани местного производства доходили в качестве подарков бухарского эмира даже до кладовых русских царей.

Ткачество было мужским занятием, женщины же выполняли лишь подсобные работы, главным образом пряли нитки, разматывали коконы, крутили шелк, перематывали нитки для утка на шпульки.

Хлопок-сырец завозился из Ширабадского бекства, так как в Гиссарской долине хлопок еще не сеяли. Шелк-сырец завозился из соседнего с Гиссаром Кабадианского бекства, сами каратагцы шелководством не занимались. Позднее, после присоединения Гиссара к Бухаре, сперва шелк-сырец, а потом и шелк в обработанном уже для ткачества виде стали привозить из Бухары, Самарканда, Ходжента, Ташкента и городов Ферганской долины, а после заключения Россией договора с Бухарским ханством в 1894 г. стали завозить и пряжу производства российских фабрик.

Окрашивалась не сотканная материя, а пряжа в пасмах, или уже готовая основа.

Красители почти до самой революции употреблялись в основном растительные, как привозные, так и изготовлявшиеся из местного сырья. Прежде всего необходимо отметить завозившиеся из Индии через Афганистан индиго и кошениль. Индиго – кубовая краска давала все оттенки синего цвета, от светло-голубого до темно-синего, почти черного, а кошениль – ярко-красный цвет. Для получения красных же оттенков из местных красителей применяли марену, дававшую приятный холодноватый розовый и темно-малиновый цвет. Эта краска изготавливалась из корней одноименного растения, выращиваемого специально и растущего дико. Для приготовления краски выкапывали и корни трехлетнего растения, сушили их, размалывали и в мешках вывозили на продажу. Для окрашивания в желтый цвет применяли для шелка траву "испарак" (живокость), а для хлопчатобумажной пряжи – траву "гиёх". Черную краску изготавливали из гранатовых корок или из окиси железа.

Мастера путем последовательного окрашивания пряжи в нескольких красках (желтый + индиго-зеленый, красный + индиго-фиолетовый, желтый + красный-оранжевый), а также путем усиления и ослабления консистенции той или иной краски получали богатейшую гамму чистых тонов, характерную для тканей среднеазиатского кустарного производства.

В конце прошлого века начали проникать и пользоваться спросом и искусственные красители. Например, стали привозить кубовую краску германского производства (Фарбениндусти во Франкфурте на Майне) в жестяных коробках по полтора-два килограмма, которую местное население называло "ранги куттигии хафткалла" (коробочная краска с семью головами), так как на коробке было изображено какое-то фантастическое существо с семью головами.

Крашение выполнялось двумя способами: холодным и горячим. Холодный способ применялся только при окрашивании краской индиго путем погружения пряжи (шелковой и хлопчатобумажной) в раствор краски на определенное вре-

мя, что зависело как от концентрации раствора краски, так и от требуемой интенсивности цвета пряжи. При горячем крашении пряжу кипятили в краске.

В обоих случаях была выработана целая система применения протрав и закрепителей, способствовавших еще большему закреплению и без того стойких красителей. В качестве протравы и закрепителя употребляли "бузгунч" – галлы фисташкового дерева, "дахани фаранг" – медный купорос, "замч", или "зок" – квасцы, "ишкор" – поташ и некоторые другие снадобья местного происхождения вроде отвара гранатовых корок, веток кустарника "тотум" и др.

Гиссарская шелковая алача¹ сперва ткалась шириной в "четверть и четыре пальца", т.е. около 6 вершков, но в конце XIX в. ее стали ткать шире (до 56–58 см) и называлась она "олчинбар", т.е. "шириною в аршин". Отрез такой материи длиной 12,5 аршин свивали рулоном, как свивали холсты в русских деревнях, и каждый такой кусок материи называли "як люла". Из него можно было сшить одну мужской халат или одно женское платье.

Сведения, сообщенные нам старожилками Каратага, дают основание предполагать, что гладкая и полосатая чисто шелковая алача издавна производилась в крае и представляла собой ту материю "дорои", которая вывозилась из Средней Азии на рынки восточной части Европейской России. Еще в первой половине XIX в. А.Небольсин, описывая состояние торговли Средней Азии с Россией, отмечал, что из чисто шелковых материй в России была "известна пока только одна бухарская даран (редко, впрочем, в кусках к нам доставляемая), материя с узенькими полосками, а иногда и гладкая одноцветная с претензиями на двуличность"². Это определение вполне подходит к гиссарской шелковой одноцветной и полосатой и тоже двусторонней алаче, которая здесь называлась "хосаги".

¹ Алача хлопчатобумажная, иногда с примесью шелка, называлась в Каратаге "кор".

² Небольсин А. Очерки торговли России с Средней Азией. – "Зап.РГО", кн. 10, Спб., 1850, стр. 291.

Иногда алачу делали только в две одинаковой ширины продольные полосы разного цвета. Например, одну полосу делали красной, другую желтой, белой, или какого-нибудь другого цвета. Такая материя шла главным образом на шитье мужских или женских халатов. В алаче, ткавшейся из сравнительно грубых ниток ручного прядения, уток просвечивал через основу и, если он был другого цвета, чем основа, то придавал материи несколько другой оттенок – материя получалась с отливом. Мастера умело пользовались этим для получения материй особого тона, которого только окрашиванием добиться было нельзя. Так, например, если при темно-фиолетовой основе уток делали ярко-синим, то получали материю приятного теплого синего оттенка. Но когда хотели сохранить интенсивным цвет основы, то уток делали одного с ней цвета. Таким образом, если материя ткалась в две полосы разного цвета, то и уток делали тоже двух цветов. В этом случае ткали двумя челноками и таким образом, что ткач до середины полотнища одного цвета пропускал челнок с утком такого же цвета, как и сама полоса, а навстречу ему пропускал челнок с утком цвета второй половины полотнища. Потом нити обоих утков посередине полотнища закреплялись одна за другую и челноки возвращались в исходное положение. Это была очень кропотливая работа, и поэтому такую алачу, называвшуюся "пуггардон", т.е. "с возвращающимся утком", ткали редко.

Производство шелковой полосатой алачи, по-видимому, было широко распространено. Побывавший в начале 80-х годов в Каратаге известный путешественник Грум-Гржимайло писал, что уже тогда там выделялась и широко расходилась гиссарская шелковая алача – "самая плотная и добротная из всех шелковых тканей, которыми Бухара снабжает весь Восток"³.

Что касается алачи с абровым (разводами) рисунком, то тканье ее возникло в Каратаге, видимо, позднее. По словам наших информаторов, оно было впервые организовано

³ Грум-Гржимайло Г. Е. Очерк приамурских стран. – "Изв. РГО", т.22. Спб., 1886, стр.104.

здесь неким кокандским жителем Мулло Хошимом, прозванным в Каратаге Ходжи Урток. Он был будто бы махрамом, т.е. приближенным кокандского хана, а после присоединения ханства к России бежал из Коканда и попал в Каратаг. Найдя здесь широко развитое производство кустарных тканей, в том числе и шелковых, он занялся изготовлением абровых тканей, используя при этом свой опыт по изготовлению таких тканей у себя на родине. Если это так, то возникновение тканья шелковой гиссарской алачи с абровым рисунком можно отнести к 80-м годам прошлого века, т.е. после присоединения Кокандского ханства к России.

Местные ткачи быстро переняли новый способ ornamentирования алачи, и скоро изготовление ее получило широкое распространение. Они стали создавать новые узоры, которых не было на бухарских и кокандских материях, почему гиссарская алача и явилась для населения Средней Азии новинкой и стала пользоваться большим спросом. Каратагские ткачи создали свой, каратагский, стиль орнамента, крупного, четкого и лаконичного, совсем отличного от часто мелкого и раздробленного орнамента других абровых тканей Средней Азии. В орнаменте каратагских тканей мы находим те же традиционные элементы: миндалина, извивающийся побег, круг, квадрат, ломаная линия, пальметта и др., однако композиция их своеобразна, и гиссарская алача с абровым орнаментом отличалась от других среднеазиатских тканей как по фактуре, так и по рисунку и гамме цветов.

Самым трудоемким и сложным процессом при изготовлении гиссарской абровой алачи была подготовка основы для крашения. Эту работу выполняли высококвалифицированные мастера-ткачи, которые одновременно были и художниками, причем весьма одаренными. Они сами составляли рисунки и сами же подбирали краски для их выполнения. Нарисовав на бумаге рисунок одного раппорта материи и подобрав к нему цвета, мастер-художник наносил контуры рисунка на растянутую основу материи, пользуясь при этом кисточкой, а иногда просто палочкой и какой-либо легко смывающейся краской. Затем мастер или его помощник туго обматывали толстыми нитками все те места разделенной на пас-

мы основы, которые не нужно было окрашивать, и вся основа красилась. После первого окрашивания обмотку снимали, основу просушивали и опять обматывали таким же образом, оставляя на этот раз необмотанными лишь те места ее, которые нужно было окрасить в следующий цвет. И таким образом процедура повторялась несколько раз, пока вся основа не окрашивалась в требуемые цвета. Просушив, ее заправляли в ткацкий станок. Эта операция тоже была очень сложной и требовала большого умения – все нити основы нужно было так пропустить через ниточки и бердо, чтобы рисунок не смешался. Заправленную таким образом в станок основу крахмалили при помощи большой смоченной в крахмале щетки и приступали непосредственно к тканью, что по сравнению со всеми предыдущими операциями было делом обычным и не требовало большого искусства, за исключением, конечно, тканья двумя челноками, описанного выше.

Среди мастеров, ткавших абровую алачу, особенно был известен своими оригинальными рисунками некий Рузи тайёр (Рузи "готово"), получивший это прозвище за привычку всегда отвечать заказчику "готово", в то время как к выполнению заказа он еще и не приступал. Рассказывали, что, составляя рисунки для алачи, он брал в основу окружающие его предметы и даже явления природы: месяц, луну, звезды, цветы, виноградную гроздь, шахматную доску и пр., творчески перерабатывал и комбинирует элементы рисунка. Существовали узоры извивающейся змеи, розы, стрельчатой ниши, круглого цветка, двойной ниши, ладони и др. (рис. 1, 2, 3. Рисунки выполнены А.К.Разыграевой).

Абровая алача была довольно дорогой. Тот же Грум-Гржимайло и Н.Маев, побывавшие в Каратаге в последней четверти прошлого века, отмечая высокое качество шелковой алачи, сообщали, что один кусок ее, достаточный для пошива одного мужского халата или женского платья, стоил тогда на каратагском базаре, в зависимости от плотности, рисунка и расцветки материи, до 20 руб.⁴ Такую же

⁴ Грум – Гржимайло Г. Е. Очерк припамирских стран. – "Изв. РГО", т.22. Спб., 1886, стр.104.

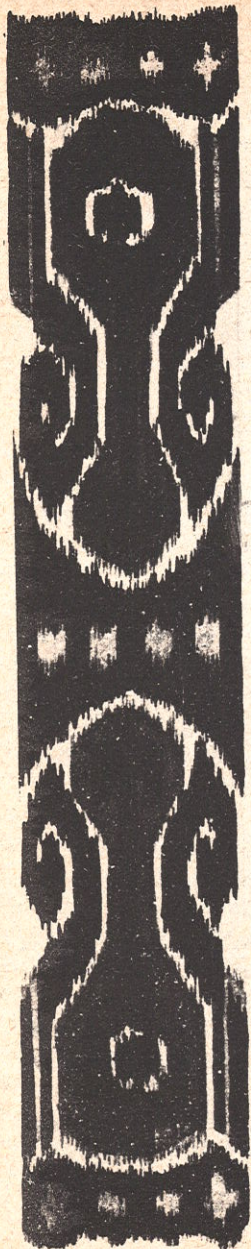

Рис. 1. Образец гиссарской шелковой алачи (из фондов сектора этнографии)

примерно сумму называли нам и старики-ткачи — наши информаторы.

В первые годы после Октябрьской революции Каратаг пришел в еще большее запустение, чему немало способствовало басмачество, окончательно ликвидированное в центральных районах Таджикистана лишь в начале 30-х годов. Лишь с того времени стали возрождаться ремесла, в том числе и производство шелковой абровой и полосатой алачи. В поселке Шахринав была создана ткацкая артель, где работали и каратагские ткачи. Однако артель просуществовала недолго. Часть ткачей переквалифицировалась, часть переехала в Душанбе, где были организованы шелкоткацкие предприятия, а часть продолжала работать в Каратаге, изготавливая хлопчатобумажную алачу — "кор". Производство же шелковой алачи прекратилось. К настоящему времени осталось всего несколько стариков-ткачей, которые еще знают это дело, но им не занимаются. На шелкоткацких фабриках в Душанбе и Ленинабаде налажено производство в больших размерах шелкового атласа с абровым орнаментом, пользующегося большим спросом, но это уже не то, что каратагская абровая алача

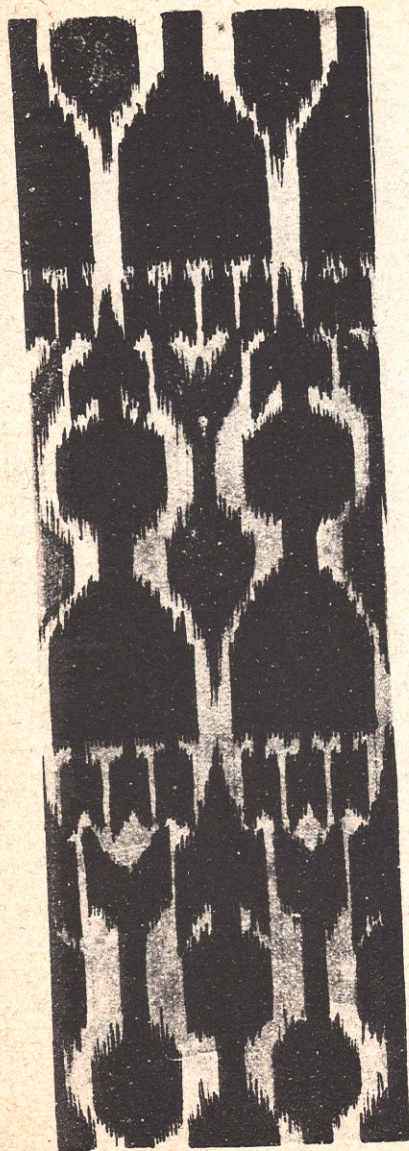

Рис. 2. Образец гиссарской шелковой алачи

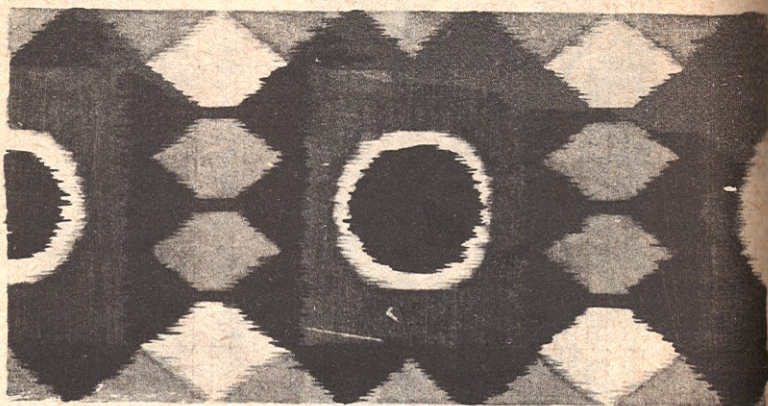

Рис. 3. Образец гиссарской шелковой алачи

"хисори", отличающаяся фактурой, а особенно своеобразным орнаментом.

В 1972 г. в Каратаге был открыт ткацкий цех фабрики надомного труда "Дилором" Министерства местной промышленности Таджикской ССР. Там производится пока только хлопчатобумажная алача, которая успешно реализуется через магазины сувениров.

Мусатов

УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ
УЧРЕЖДЕНИЙ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ ТАДЖИКСКОЙ ССР.

СООБЩЕНИЯ

РЕСПУБЛИКАНСКОГО ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ

ВЫПУСК II

История и этнография

И. И. Эршов

Водонавозские 72
в сел. Костарь-с.

Ю. А. Мидяев

Материалы по
этнографии Мургабского
китэ-с. 32

Б. К. Кармышев

Новейшие
"материалы и
исследования" с. 121

УПРАВЛЕНИЕ ПО ДЕЛАМ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫХ
УЧРЕЖДЕНИЙ
МИНИСТЕРСТВА КУЛЬТУРЫ ТАДЖИКСКОЙ ССР

СООБЩЕНИЯ
РЕСПУБЛИКАНСКОГО
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКОГО
МУЗЕЯ

ВЫПУСК II

История и этнография

СТАЛИНАБАД—1955

Н. Н. ЕРШОВ.

О ВОДОПОЛЬЗОВАНИИ В СЕЛЕНИИ КЫСТАКОЗ (НЫНЕ ЧКАЛОВСК) ДО ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

Предлагаемый вниманию читателей очерк основан на материале, собранном автором путем расспросов среди старожилос с. Чкаловск в 1951-53 г. г.; эти годы автор работал в составе Таджикского отряда Памиро—Ферганской Комплексной экспедиции Института этнографии АН СССР, Института Истории Материальной Культуры АН СССР и Института Истории, Археологии и Этнографии АН Таджикской ССР, занимавшегося изучением культуры и быта таджикского колхозного крестьянства.

Расспросные сведения были впоследствии пополнены сведениями, найденными автором в этнографической литературе. Следует отметить, однако, что по таджикам Ферганской долины специальной этнографической литературы не существует и лишь в отдельных изданиях, книгах и сборниках имеются отрывочные, фрагментарные сведения по вопросам материальной и духовной культуры ферганских таджиков.

Отсутствие в литературе описания старой системы водопользования какого-либо определенного населенного пункта Таджикистана в конкретный исторический период побудило нас обработать собранный по этому вопросу материал в виде отдельного очерка.

Селение Чкаловск расположено в 9 км. восточнее жел. дор. станции Ленинабад. Центральная часть селения составляет территорию Чкаловского поселкового совета, а его остальная часть с прилегающими садами и пашнями составляет территорию Чкаловского сельсовета. Как поселок, так и сельсовет входят в состав Ленинабадского района, той же области Таджикской ССР.

Большое селение Чкаловск населено таджиками, в то время как окружающие его кишлаки имеют тюркоязычное население. Нетаджикское население Чкаловска, составляющее теперь около 7—8 % жителей, не является местным, коренным и появилось здесь сравнительно недавно. По переписи 1939 года в Чкаловске имелось 10953 человека, но из них таджиков было 10178 человек. До 1939 года селение носило свое старое название Кыстакоз

(или Костакоз). До революции Кыстакоз был центром одноименной волости бывшего Ходжентского уезда, Самаркандской области, Кроме селения Кыстакоз, в волость входили еще селения Каттаган, Исписар, Аучи и Калъача, ныне также входящие в Ленинабадский район; одно время в волость входили и пять селений, носившие общее наименование Бишкент (эти селения, существующие и донныне, называются Кайрагач, Тагоб, Тезоб, Андархам и Чурбак) и отошедшие после национального размежевания среднеазиатских республик к Киргизской ССР.

Поскольку затрагиваемый нами в настоящем очерке вопрос о водопользовании в селении Чкаловск касается в основном старой т. е. дореволюционной системы водопользования, в дальнейшем изложении мы будем употреблять старое название селения—Кыстакоз.

Кыстакоз, как и входившие в Кыстакозскую волость селения Исписар, Калъача и Каттаган, расположен на северном краю обширной веерообразной равнины, которой заканчиваются в сторону Сыр-Дарьи северные склоны и невысокие увалы (адыры) Алайско-Туркестанской горной системы, лежащей к югу от Кыстакоза. Равнина эта образовалась от наноса камней, песку и глины выходящей из гор рекой Ходжа Бакирган сай, которая вплоть до 1940 года, т. е. до проведения Большого Ферганского канала им. Сталина, была единственным источником, снабжавшим водой весь современный Ленинабадский район (как б. Кыстакозскую волость, так и лежавшие западнее Гулякандозскую и Унджинскую волости б. Ходжентского уезда и сам город Ходжент¹).

Кыстакоз делился на четыре основные части—Хаузак, Кентарык, Джаугаль и Джуи мугул, к которым применялся термин „джуйбор“ (оросительный канал), ибо расположены они были каждая по течению своего оросительного канала. Эти каналы ответвлялись от одного магистрального канала (джуи калон), выведенного из Ходжа Бакиргансая. От него же выше по течению ответвлялись и каналы, подававшие воду на поля селений Каттаган, Исписар, Аучи и Калъача. Каждая из указанных четырех частей селения Кыстакоз делилась, в свою очередь, на кварталы, называвшиеся махалля или „куча“ (улица).

Главным занятием населения Кыстакоза как до присоединения края к России, так и в первое время после него, было полеводство. Преобладали посевы зерновых на поливных землях

¹ См. Маллицкий Н. Г. Учебное пособие по географии Таджикистана ч. II (Ходжентский округ), Ташкент—Сталинабад, 1930, стр. 8-9.

и в значительно меньшем количестве на богаре¹. Из технических культур возделывался лишь хлопчатник местных сортов—гуза, а из масличных возделывались лен-кудряш (зигир) и „махзар“². Кроме того, довольно много засевалось люцерны и бобовых—маша (*Phaseolus aureus* Roxb.)³, нута (*Cicer arietinum* L.), чечевицы. Помимо полеводства, значительное место в земледелии занимали садоводство и виноградарство. Овощеводство же большого развития не имело. По статистическим сведениям, относящимся к первым годам присоединения края к России, мы узнаем, что в Кыстакозе поземельные подати взимались со следующих площадей отдельных культур:

Сады и виноградники	745	танапов
О в о щ и	38	„
Люцерна (<i>Medicago sativa</i> L.)	373	„
Пшеница	1380	„
Я ч м е н ь	68	„
Хлопок	335	„
Джугара (<i>Sorghum cernuum</i> Host.)	1350	„
Просо и кунок (итальянское просо)	172	„
Загирь (лен) и махзар	52	„
Г о р о х (нут)	169	„

В с е г о 4337 танапов⁴.

1 Богара—сельскохозяйственный термин, принятый в русском языке со значением «неполивная земля» и «посев на неполивной земле», производимый в расчете на запас влаги в почве и на выпадение дождей в течение вегетационного периода. В условиях Средней Азии богарные посевы чаще производятся на недоступных искусственному орошению землях, расположенных в предгорьях, отличающихся более прохладным по сравнению с равнинами климатом и большим количеством выпадающих там атмосферных осадков. Слово «богара» происходит от таджикского слова «бахори» (—весенний), которым называются яровые посевы, в противоположность посевам озимым, называемым «тирамохи» (—осенний). Таким образом, термин «богарный» и термин «богара» приняты в русской сельскохозяйственной терминологии в результате неправильного осмысления таджикского слова «бахори», в то время как для понятия «неполивной» в приложении как к земле, так и к посевам, в таджикском языке бытовал и бытует термин «лалми», в противоположность термину «оби»—водной < поливной.

2 Махзар-сафлор (*Carthamus tinctorius* L.), цветы которого идут на приготовление жёлто-оранжевой краски, а семена на масло.

3 Латинские названия приводятся по работе Ю. С. Григорьева «Определитель растений окрестностей Сталинабада, М, 1953».

4 Сведения взяты из Ежегодника материалов для статистики Туркестанского края, вып. 1, СПб, 1872, стр. 54. Цифры приводятся в танапах (танап - 400 кв. сажен или 1/6 десятины).

Всего, как видим, податных земель, занятых посевами, садами и виноградниками, в Кыстакозе в начале 70-х г. г. XIX в. было приблизительно 720 казенных десятин или немногим менее 800 га, причем подавляющее большинство их было занято под зерновые культуры, исключая рис, посевов которого совершенно не производилось из-за недостатка воды¹. Кроме этих земель, в Кыстакозе было также некоторое количество и вакуфных земель, которые принадлежали отдельным мазарам и мечетям, как кыстакозским, так и другим. Так, например, известный ходжентский мазар шейха Мослахиддина имел в Кыстакозе свои земли. К сожалению, количество этих вакуфных земель точно установить не удалось, как не удалось найти ни одной вакфи—дарственной на землю, отдаваемую в вакф тому или иному мазару или мечети.

При сборе сведений о распределении поливной воды между отдельными джуйборами старого Кыстакоза удалось выяснить, что всего в селении перед революцией считалось 4960 танапов поливной земли, причем в Джаугале было 1100 танапов, в Хаузаке—2300 танапов, в Джуи-мугул—660 танапов и в Кентарыке—900 танапов земли.

Напомним, что всю воду Кыстакоз и кыстакозская волость получали из Ходжа Бакирган сая, который являлся также единственным водным источником для города Ходжента, Унджинской и Гулякандозской волостей Ходжентского уезда.

Как пишет Н. С. Лыкошин и как подтвердили нам осведомители, очередность на получение селениями воды из сая существовала лишь в течение трех весенних месяцев. Осведомители этими месяцами называли хамал (7-III—6-IV), савр (7-IV—7-V), джавзо (8-V—8-VI), Лыкошин же упоминает русские месяцы—март, апрель, май². По сведениям Лыкошина, город Ходжент и Унджинская волость получали воду одновременно, а Кыстакозская волость получала воду одновременно с Гулякандозской волостью³; по нашим же сведениям, Гулякандозская волость получала воду одновременно с Унджинской волостью и г. Ходжентом, а селения Кыстакозекой волости получали воду после них.

1 Это положение с рисом сохранилось вплоть до 1939 года, т. е. до проведения Большого Ферганского канала, когда кыстакозцы начали засеивать небольшое количество риса, иногда с целью промывки засоленных земель. Рис завозили из Исфаринского оазиса и из бывшего Кураминского уезда, входившего в Ташкентскую область. Из всего современного Ленинабадского района посевы риса в значительном количестве производились лишь в местности Гезиён в черте современного города Ленинабада, и то лишь при условии обилия воды в Ходжа Бакиргансае (об калон биёт агар камакак шולי мекоштанд— если воды приходило много, то сеяли немного риса).

2 Лыкошин Н. С. Полжизни в Туркестане, Петроград, 1916, стр. 46.

3 Там же.

Очередность получения воды этими пунктами была следующая:

в месяце хамал сначала 14 дней брал воду Ходжент с Гулякандозской и Унджинской волостями, потом 16 дней брала воду Кыстакозская волость;

в месяце савр сначала 10 дней брал воду Ходжент с Гулякандозской и Унджинской волостями, а затем 20 дней брала воду Кыстакозская волость;

в месяце джавзо 8 первых дней брал воду Ходжент с Гулякандозской и Унджинской волостями, потом 14 дней брала воду Кыстакозская волость, а затем 8 дней брали воду опять Ходжент с Гулякандозской и Унджинской волостями.

Таким образом, за три весенних месяца Кыстакоз получал воду сая в течение 50 дней, а Ходжент с Унджинской и Гулякандозской волостями—в течение 40 дней.

По преданию, раньше Кыстакоз получал гораздо больше воды. По одной версии, в течение весенних месяцев Кыстакоз получал всю воду сая, а по другой—в течение 78 дней, а 12 дней воду брал Ходжент. Порядок этот будто бы был установлен неким Охбутабеком, „построившим ходжентскую урду-цитадель“, примерно 400--500 лет тому назад. По другой версии, „называемый Охбутабеком человек взял Ходжент и наложил на него контрибуцию“.¹ Дальше предание рассказывает, что между ходжентцами и кыстакозцами произошла из-за чего-то стычка, в которой был убит один ходжентец, в виде выкупа за кровь которого кыстакозцы были вынуждены отдать ходжентцам право получать воду сая в течение 40 дней. Другая версия гласит, что это право было продано ходжентцам лет 60—70 тому назад кыстакозским амином² Мулло Абдурахманом, подкупленным горожанами. За такую измену интересам односельчан народ будто бы ненавидел не только Абдурахмана, но и его потомков; жители Кыстакоза с ними при встречах не здоровались, их не звали ни на семейные праздники—туи, ни на похороны и поминки, и сами к ним не ходили. На эту продажу будто бы была составлена купчая-васика, которая хранилась у ходжентцев и служила

1 Л. Ф. Костенко, описывая Ходжент, говорит: «Из числа этих последних (независимых беков, управлявших Ходжентом, Н. Е.) особенно замечателен владевший Ходжентом в начале XVIII столетия Ак-Бутабек (родом узбек), который впервые укрепил город, исправил цитадель и разделил город на 24 квартала». См. работу указа, автора «Туркестанский край», СПб., 1880, стр. 443.

2 Амином называлось в Кыстакозе должностное лицо, замененное после прихода русских волостным правителем, которого население называло «булус». Амином же при русских стали называть прежнего илликбоши-пятидесятника.

неопровержимым доказательством их права на воду при возникших спорах.

По другим рассказам, факта продажи воды не было, а по инициативе уездного начальства и при участии местной администрации селений Ходжентского уезда, пользовавшихся водой Ходжа Бакирган сая, очередность пользования водой сая в весенний период была пересмотрена и изменена, о чем был составлен акт, под которым подписались представители селений, в том числе и упомянутый кыстакозский амин. Весьма вероятно, что при совершении этого акта не обошлось и без подкупа неговорчивых участников пересмотра сроков пользования водой сая.

Если это уменьшение количества получаемой Кыстакозом воды мало отразилось на площади плодовых насаждений и виноградников, то площадь поливных посевов значительно сократилась и сильно выросла площадь перелогов и залежей. Переложная система посевов зерновых и пропашных культур имела место до 1940 г., т. е. до сооружения Большого Ферганского канала, давшего возможность ликвидировать перелог и освоить залежи.

С начала месяца саратон (9|VI—9|VII) начинался летний паводок и надобность в очередности на воду отпадала до следующей весны. Дело все в том, что Кыстакозская волость при самом большом паводке не могла получать больше того количества воды, которое могло пройти по туннелю, прорытому в скале немного ниже головы Кыстакозского арыка, отведенного из Ходжа Бакирганского сая. Как нам говорили, через этот туннель могло пройти не больше 5 саньгов воды¹. Таким образом, Кыстакоз и Кыстакозская волость были лишены какой-либо возможности расширения своих поливных земель.

Независимо от очереди на воду, город Ходжент получал постоянно 3 саньга воды, из которых 1 саньг считался „хакки хаузи мазор“—долей водоема мазара (шейха Мослахиддина), 1 саньг „барои шахру дохтурхона“—городу и больнице и 1 саньг „рохба сарф мешут“—расходовался по пути (т. е. впитывался почвой по пути от гор до города)².

Получаемая Кыстакозской волостью вода делилась между селениями волости на 9 равных частей, из которых Калъача получала 1 часть, Исписар—2 части, Каттаган—1, а Кыстакоз—5 частей.

После выхода главного канала из туннеля на равнину по его левому берегу сперва отделялся канал селения Калъача, ниже его отделялся канал, шедший на Исписар, а еще ниже—канал селения Каттаган; ниже главный канал разветвлялся уже

1 Саньг (тадж.)—тегермон (узб.)—распространенная в Средней Азии мера воды, которую обычно весьма неопределенно считают равной струе воды, способной привести в движение один постав местной мельницы.

2 По Лыкошину, эти три саньга воды предназначались просто для удовлетворения нужд русской части города. Цит. изд., стр. 46.

на арыки, питавшие водою земли самого селения Кыстакоз. В разветвлениях каналов ставились „кухур“ (испорч. араб. кубур— труба?)—деревянные плахи с соответствующим числом прорезей в них, по которым поступающая сверху вода распределялась по разветвлявшимся ниже такого сооружения арыкам.

Таким образом, собственно Кыстакоз получал 5/9 от 5 саньгов воды. Из этого количества выделялись особые небольшие арыки— „вода Халима пятисотника“ (оби Халим понсад) и „вода сада мира“ (оби боги мири). Повидимому, „вода Халима“ была немногим больше „воды сада“. Когда-то выделение этих двух отдельных небольших количеств воды в особые арыки было узаконено соответствующим документом и пользовались этой водой определенные люди. В последнее же до водной реформы время водой их этих двух арыков пользовались люди, не имевшие собственной, благоприобретенной, буквально „купленной на золото“ (оби зархарид) воды. Поэтому вода эта называлась „шальная вода“ (оби дайду), „безымянная вода“ (оби беном) или „вода вне очереди“ (оби бенаубат, оби беруна).

Вода Халима использовалась на территории джуйбора Джаугаль. О происхождении ее существует следующий рассказ. Некто Халим, по прозвищу „понсад“ (пятисотник), пользуясь тайком водой из общего арыка, вырастил хороший сад. В конце концов это воровство воды надоело собственникам воды и они лишили Халима возможности красть их воду. Тогда Халим, воспользовавшись приездом в Кыстакоз ходжентского правителя-хакима, принес для его угощения 21 корзину различных сортов фруктов из своего сада и одновременно с этим подал ему челобитную (ариза), в которой указывал, что если ему не дадут возможности получить воду, купить которую он не в состоянии, то выращенный им сад, из которого он принес эти фрукты, погибнет. Правитель будто бы сказал, что если такой сад, лишась воды, засохнет, вода может „обидеться“ гибелью своего детища и не пойти в кыстакозский арык; поэтому необходимо дать Халиму право на получение такого количества воды, которое нужно для орошения его сада. В силу этого решения, владельцы воды были вынуждены отвести из общего арыка селения небольшой арык, получивший название „оби Халим понсад“. С тех пор прошло неизвестно сколько времени. Давно нет ни Халима, ни его сада, а имя его сохранилось в названии арыка „вода Халима пятисотника“, которой пользовались не имевшие своей воды жители Джаугалья. Арык этот выделялся из общего арыка селения метров на 200 выше первого кухура, делившего воду между четырьмя основными частями Кыстакоза; он был выведен с левой по течению стороны магистрального арыка и шел параллельно последнему, а потом по особому желобу (ноу) переходил на правый берег магистрального арыка и уже здесь разветвлялся по земельным участкам.

То же самое, вероятно, произошло при выделении „оби боги мири“, которую пользовались не имевшие своей воды жители Кентарыка, расположенного ниже всех других частей селения по течению арыка. Эта „вода сада мира“ выделялась опять-таки из общего количества воды, подававшейся магистральным каналом, т. е. это выделение не задевало интересов какого-либо одного лица, а шло, так сказать, за счет воды всего селения. Некоторые старики говорили, что „сад мира“ (боги мир) был когда-то разбит на месте современного общепоселкового сада-парка, а назывался он садом мира потому, что в старину слово „мир“ (князь) добавлялось к некоторым именам, вроде мир Абдулло, мир Умар и т. д. Владелец сада, носивший титул „мир“, имел, вероятно, право на воду, но по каким-то причинам вода эта „разъединилась“ с тем участком земли, за которым она была в свое время закреплена и тоже стала „безымянной“, ею стали пользоваться „люди не имевшие очереди на воду, люди не имевшие воды“ (адамои навбатдор не, обдор не).

Вся остальная вода, получаемая селением, делилась на пять равных частей, каждая из которых называлась „одна вода“ (як об). Из этих пяти частей две части получал Хаузак, а все три остальные части Кыстакоза получали по одной доле. Для распределения этих частей были установлены соответствующие кухуры: первый, находившийся немного выше Джаугалья и ниже ответвления арыка „оби Халим понсад“, отделял для Джаугалья одну пятую всей воды канала за вычетом одной пятой доли воды „боги мири“, падающей на Джаугаль. Выделение последней производилось соответствующим уменьшением прорези в водораздельной плахе, отводившей воду в сторону Джаугалья и увеличением прорези, отводившей воду других частей селения, расположенных ниже. Несколько ниже первого кухура был следующий кухур, деливший оставшиеся в канале 4 части воды пополам между Хаузакком, с одной стороны (получавшим 2 части воды), и Кентарыком и Джуи мугул, с другой (получавшими каждый по 1 части воды), причем доля воды „боги мири“, падавшая на Хаузак, тоже отделялась описанным выше образом из получаемого последним количеством воды и присоединялась к воде Кентарыка и Джуи мугул. Наконец, последний кухур делил воду между этими двумя последними частями Кыстакоза. Но предварительно из общего канала, по которому шла вода для Кентарыка и Джуи мугул, метра на 2 выше водораздела, специальным „кухурчаи Чорбог“ отделялась „оби боги мири“ и по отдельному небольшому арыку отводилась ниже и присоединялась к арыку Кентарыка ниже его раздела с арыком Джуи мугул.

В Хаузаке „шальной воды“ не было, но там существовал другой порядок, согласно которому собственники мелких участков земли, не имевшие права на воду (они назывались „милкдорони хушк“—сухие землевладельцы или „беобо“—„безводные“), поль-

зовались водой одновременно с владельцами воды, для чего отпужали входные отверстия (дахана) своих арычков, но обязательно выше ответвления арычков владельцев воды. Ниже этого ответвления открывать арычки им не разрешалось „Аз кухури мо боло даханача кушода мешиштан, аз кухур поин на мемондем, аз они худи худамо мешуд об“ — „они сидели, открыв входные отверстия (своих арычков) выше нашего кухура, ниже кухура мы не позволяли (им открывать воду), так как вода (там) становилась нашей собственной“, объясняли нам старики (когда вода входила в арык, отведенный от общего арыка и направлявший воду непосредственно на участок определенного владельца, она считалась его собственностью, до этого же, находясь в общем арыке, называвшемся „анхор“, вода считалась принадлежащей всему Хаузаку). В некоторых случаях владельцы воды не разрешали открывать воду и выше своих кухуров, но „сухие землевладельцы“, пользуясь, видимо, старой традицией, все-таки отпужали свои арыки. Тогда происходило своеобразное соревнование на твердость характера: „Онхо даханакушан кати овора, мохо руст кардан кати овора.“ „Они (были) заняты открыванием входа (в свои арыки), мы же были заняты перепуживанием (их)“, говорили нам. Однако при этом никаких ссор или драк не происходило, может быть вследствие боязни нарушить традицию и получить за это какое-нибудь ироническое прозвище, на что кыстакозцы были большие мастера, а может быть и потому еще, что участки этих безводных владельцев были весьма незначительны и воды на их полив расходовалось сравнительно мало.

В Кентарыке этого не практиковалось: „в Кентарыке не позволяли человеку открывать дахана“, т. к. там „воду сада по очереди давали беднякам“. Владелцем этой воды „сада“ считалось общество (куп).

В Джуи мугул, самой зажиточной и больше других обеспеченной водой части селения (она получала „як об“ — одну воду“, т. е. 1/5 всей воды Кыстакоза на 660 тапапов, тогда как такое же количество воды Кентарык и Джаугал получали на гораздо большее количество земли), не имевших собственной воды людей почти не было, равно как не было и обычая пользоваться общей водой, как не было и „безымянной воды“¹.

Один саньг воды, полученный в течение одних суток, как уже говорилось, назывался „одна вода“ (як об) или одна часть воды“ (як таксими об). Таким образом, Хаузак, повторяем, по-

лучал „две воды“. Вся эта вода имела своих владельцев. „Круг воды“ (даврай об), т. е. один цикл очередности на ее получение, состоял из 16 суток или 16 очередей (наубат). Когда кончался этот шестнадцатидневный цикл, очередь опять начиналась снова („шонзда руз ки бут шут, давра аз дигар сароб сар мешут“ — когда кончались шестнадцать дней, очередь снова начиналась с первой воды).

16 суточных очередей на двойную порцию воды в Хаузаке назывались:

1 сутки — сароб (первая вода);

2 сутки — оби эшон (вода ишана, принадлежала шейхам кыстакозского мазара Гумбази);

3 сутки — оби бой (вода бая; ею орошались вакуфные земли);

4 сутки — оби мир (вода мира; половина её, или „як об“ — „одна вода“ принадлежала одному хозяину, а вторая половина принадлежала пополам двум другим хозяевам);

5 сутки — оби Сулаймонбек (вода Сулейманбека);

6 сутки — оби шайх (вода шейха, принадлежала на правах вакфа ходжентскому мазару Мослахиддина);

7 сутки — оби Авлиспоччо (вода Авлиспоччо, одного из крупных кулаков селения);

8 сутки — оби эшон (вода ишана, принадлежала еще какому-то ишану);

9—14 сутки — (названия выяснить к сожалению не удалось);

15 сутки — поиноб (последняя, букв. „нижняя вода“; владельцы выяснить не удалось);

16 сутки — оби чакана (вода мелкими долями, принадлежала большому числу хозяев).

Как видим, в джуйборе Хаузак вода принадлежала, в основном, наиболее зажиточной верхушке этой части Кыстакоза или на правах вакфа составляла собственность религиозных учреждений, средней же и бедной части населения принадлежало весьма небольшое количество воды. Собственность на воду служила средством эксплуатации беднейшей части населения. Байство и владельцы вакуфных земель, как правило, не обрабатывали сами свою землю, предпочитая отдавать ее в аренду издольщикам. При расчете с ними после снятия урожая бай и управители вакуфов брали с издольщиков за воду 1/3 урожая, говоря, что это „вознаграждение за воду“ (хакки об), а вторая треть бралась за землю.

Первоначально „круг воды“ (даврай об) в Хаузаке состоял из 15 суток, но лет 80 тому назад потребовались значительные средства на покрытие расходов по сооружению головы магистрального канала и община решила продать „навечно“ одну суточную воду Хаузака. Ее купили „сухие землевладельцы“ (одамони милкдори хушк), т. е. люди, имевшие землю, но не имевшие права на воду, и с тех пор цикл очередности пользования водой стал состоять из 16 суток. Поскольку воду по-

¹ Следует отметить, что вопрос пользования водой из общего арыка селения или из общего арыка его отдельной части людьми, имевшими землю, но не имевшими официального, т. е. подтвержденного документами (купчей и т. д.) права на получение воды, требует дополнительного исследования, ибо, как нам представляется, здесь мы имеем весьма интересный реликт старых отношений сельской общины, когда собственности на воду еще не существовало.

следних суток шестнадцатидневного цикла купили мелкими частями несколько человек, эту очередь на получение воды называли „оби чакана“. Подобные случаи продажи воды на определенный срок, иногда на одни сутки, имели место еще несколько раз, но только тогда, когда требовались средства на поддержание ирригационной же системы, т. е. доход от продажи воды тратился на воду же. В таких случаях очередь пользования водой для коренных её хозяев отодвигалась соответственно тому сроку, на который вода продавалась. Продажу воды по решению сельчан производил мираб. Нет сомнения, что это давало последнему возможность всяких злоупотреблений.

Когда нарушалась регулярная подача воды, что довольно часто случалось в результате размыва канала и его головной части в период весенних дождей или бурного таяния снега в горах летом, то очередь пользования водой соответственно отодвигалась на то число дней, в течение которых происходил ремонт канала.

Суточная вода (як об) делилась на более мелкие части кратно к двум: половина воды (нимта об)—пользование водой в течение полсуток, четверть воды (чойраки об)—пользование водой в течение 6 часов, половина четверти воды (нимчойраки об)—пользование водой в течение 3 часов, одна чакса¹ воды (як чакса об)—пользование водой в течение 1 1/2 часов. Иногда соседи, имевшие одинаковое количество воды, брали ее одновременно и сами делили ее пополам, устраивая „кухурча“, или же все принадлежащее им обоим вместе количество воды брали по очереди. Обычно же за соблюдением очереди на воду в течение—„круга воды“ и за соблюдением правильного режима пользования водой в течение суток следил мираб.

В остальных трех частях Кыстакоза существовала примерно такая же система распределения воды между ее владельцами, отличавшаяся от описанной лишь другой продолжительностью „даврай об“.

Время пользования водой днем определялось при помощи особого весьма примитивного сооружения, называвшегося „чени об“ (тадж.)—„мера воды“ или „куланка“ (узб.). Состояло оно из „одного кетменя глины“ (як кетман лой), т. е. количества глины, взятой один раз кетменем, из которой делали ровную площадочку, в которую втыкали вертикально палочку и по отбрасываемой ею тени (по принципу солнечных часов) определяли время наступления или окончания очереди пользования водой. Когда не было солнца, то либо искали человека, имевшего часы, либо время определяли приблизительно два—три наи-

1 Чакса—старинная мера веса, употреблявшаяся в Кыстакозе и равная 2 1/2 фунтам или 1/16 пуда. В применении к воде и времени пользования она равнялась 1/16 суток.

более опытных человека, прибегая, конечно, в первую очередь, к авторитету мираба, который разрешал спор, не упуская возможности получения от этого личной пользы.

Наступление очереди на получение воды в течение суток определяли и по времени молитвы—намаз. Сутки делились на четыре равные части—очереди. Первая дневная очередь на получение воды начиналась с того момента, когда первый человек выходил из мечети после окончания первой утренней молитвы—„намози бомдод“, и продолжалась до „чени чорьяки“—„мера четвертная“, определявшейся посредством „чени об“, или по часам, или же приблизительно и соответствовавшей примерно 10 часам утра. С этого момента начиналась вторая очередь, продолжавшаяся до окончания второго намаза „пешин“ и называлась „чени пешин“, третья очередь продолжалась до конца намаза „пешин“ до конца последнего, пятого намаза „хуфтан“, происходившего около 10 ч. вечера. По окончании этого намаза начиналась четвертая очередь, тянувшаяся до конца первого утреннего намаза „бомдод“.

Обычно предпочитали брать ночную очередь, потому что „оби шаб яклухти буд“— „ночная вода была цельной“ ибо ее не делили между несколькими владельцами, а также и потому, что максимальный дебит воды от таяния снегов в верховьях Холжа Бакирган сая, получавшийся в наиболее теплые часы дня, доходил до Кыстакоза только ночью. От головного сооружения кыстакозского магистрального канала, называвшегося „сари джуй“ (—голова арыка) и находившегося в местности Иски Аучи, на пять километров выше селения Калъача, вода доходила до Кыстакоза за 5—6 часов.

Если возникали споры из-за воды, то для их разрешения звали мираба. А если и он не мог решить спора, то обращались к аксакалу селения.

В Кыстакозе было 5 мирабов, которые ведали распределением воды на территории селения. Водой же всей системы Ходжа Бакирган сая ведал мираббоши, находившийся в Ходженге.

За исправностью оросительной системы наблюдали особые джуйбоны (джуйбон—сторож арыка). Они особенно внимательно следили за головным сооружением магистрального канала Кыстакозской волости в месте отаеления его из Ходжа-Бакирган сая, а также за верхней частью канала (от головного сооружения до туннеля); эта часть канала проведена по очень крутому и обрывистому горному склону и особенно подвержена размыву как от устремлявшихся с гор по склонам дождевых вод, так и в результате малейшего нарушения внешнего (по отношению к горному склону) берега канала. Селения Исписар, Каттаган и Калъача, пользовавшиеся магистральным каналом совместно с Кыстакозом, тоже имели каждый по одному джуйбону.

Джуйбоны являлись местными жителями. Часть из них постоянно дежурила у головного сооружения, другая часть вела наблюдение за магистральным каналом на участке от головного сооружения до туннеля. Этот участок, как только что указывалось, был наиболее ненадежным, так как, по рассказам осведомителей, достаточно было убрать с берега канала один небольшой камешек или носком сапога пробить в борту канала малейшее отверстие, как вода тут же превращала его в большое отверстие, а затем совсем размывала берег канала, проведенный на большой высоте по крутому склону. Приходилось тотчас же всю воду в голове канала сбрасывать в реку для предупреждения дальнейшего размыва и чинить прорыв. Так как такие прорывы были на руку другим водопользователям (получавшим таким образом внеочередную воду, которая им не засчитывалась), то бывали случаи преднамеренной с их стороны порчи кыстакозского канала. Поэтому постоянное наблюдение за каналом было необходимо.

Если получавшийся прорыв был небольшим, джуйбоны сами ликвидировали его. Если же это было им не под силу, то на починку канала срочно вызывались жители селения Калъача. В случае больших прорывов вызывалось население из Кыстакоза, Исписара и Каттагана. Для этого посылался верхом на лошади один из джуйбонов, который передавал о случившемся арбобу селения, а последний объявлял: „арык размыло, нужны рабочие“ (джуй зад, мардикор даркор) и выделял необходимых рабочих и материалы для ликвидации аварии. Эти прорывы были довольно часты и отнимали много времени и сил, не обходилось иногда и без человеческих жертв. „Прорывы канала окончились с наступлением свободы“ (т. е. революции), говорили нам, так как в первые же годы после революции головное сооружение и наиболее подверженные размыву участки магистрального канала были цементированы.

Много сил, времени и материалов расходовалось также и на ежегодную очистку ложа канала и головного сооружения. Эти работы проводились каждую весну в течение 5 дней до первого пуска воды в канал Кыстакоза. На очистку канала (джукани) выходили жители Кыстакоза, Исписара и Каттагана по одному человеку с каждого дома (як-кас аз сари хона). Жители Калъача, расположенного к головному сооружению канала ближе других селений, от выхода на очистку канала освобождались, так как они обязывались работать на ликвидации мелких прорывов канала во время эксплуатации его, когда жители других селений не вызывались.

На время очистки головы арыка (джуй сарихона) кыстакозцы объединялись в группы по 20—25 чел., собирали вкладчину деньги и закупали на них продукты для приготовления горячей пищи во время работ, хлеб же каждый приносил с собой.

Очистку канала начинали с головной части и шли вниз по течению. Дойдя до ответвления канала селения Исписар, жители Исписара бросали работу. Жители Каттагана вместе с другими продолжали работу до ответвления своего канала, расположенного ниже исписарского канала. Остальную часть канала до первого водораздела (кухур) в Джаугале очищали жители четырех частей Кыстакоза сообща, свою же сеть каналов жители каждой части селения очищали отдельно—каждая чистила арыки на своей территории.

Мирабы и джуйбоны избирались населением, что, однако, не исключало влияния на эти выборы зажиточной части односельчан. За свою работу мирабы и джуйбоны получали с жителей своей части селения вознаграждение натурой, называвшееся „каусан“ и состоявшее из „ним юхча“¹ продукции той или другой сельскохозяйственной культуры с каждого танапа поливной земли. С посевов люцерны в каусан давали один или два лошадиных вьюка люцернового сена. Мирабы, кроме того, получали жалованье.

Каусан мирабы и джуйбоны собирали сами, обходя посевы своих односельчан во время уборки урожая. Если же они не успевали прийти во время, то владельцы посевов при уборке урожая сами отделяли подлежащую отдаче в каусан часть урожая и вручали ее впоследствии. При отмеривании каусана пользовались большим решетом, употреблявшимся при очистке зерна после обмолота и веяния и называвшемся „чоч“ (узб.) или „галбер“ (тадж). Чоч вмещал обычно пуд зерна; им же отмеривались и другие продукты, как фрукты, корнеплоды и хлопок-гуза.

Кроме каусана, джуйбоны получали в пользование небольшие участки земли в верховьях канала, где могли производить те посевы.

Питьевой водой население Кыстакоза пользовалось и пользуется из искусственных водоемов (хауз), устраивавшихся во дворах усадеб, при мечетях, при общественных учреждениях, чайханах и просто на улицах селения. Обычно хаузы роются четырехугольной формы с постепенно понижающимся к центру четырехугольника дном различной глубины, иногда в крупных хаузах выше человеческого роста. Вынимаемая при рытье хауза земля рассыпается вокруг хауза, образуя возвышение по четырем его сторонам, называемое „суфа“ и служащее для сидения. Хаузы, как правило, обсаживаются по углам и по сторонам ивами, притеняющими хауз и предохраняющими его воду от нагревания на солнце. Отдых в их тени на берегу хауза в летнюю жару весьма приятен. Ивы эти по достижении трехлетнего возраста подвергаются специальной подрезке—у них укорачивается верхушка и деревья дают из верхней части остав-

1 Ним юхча—старинная мера веса, употреблявшаяся в Кыстакозе и равнявшаяся двум чакса, т. е. 5 фунтам.

шегося ствола массу ветвей, образующих пышную крону „шопар“ (литер. „шохпар“—султан, эгрет), которая нередко так плотно смыкается над водоемом, что ни один луч солнца не проникает через нее. Берега водоемов для прочности и предохранения от обваливания обкладывают дерном (чим). С одной стороны в водоем проводится входной арык (дахана), а с противоположной стороны—выходной арык (поинобраха). Водоемы являются проточными, так как всякий раз при их наполнении вода пропускается в гораздо большем количестве, чем нужно, и таким образом сменяется новой, свежей водой. Теперь, после проведения Большого Ферганского канала, смена воды в водоемах в той части селения, которая расположена ниже канала, не является проблемой. Затруднения в этом вопросе возможны лишь в лежащей выше канала части селения, до сих пор питающейся водой Ходжа Бакиргана. Там иногда, особенно летом, во время усиленного разбора воды на полив хлопка, случаются перерывы с водой и часто наполнять водоемы водой не представляется возможным.

Раньше, когда вопрос с водой был весьма затруднен, водоемы нередко оставались без воды, что заставляло обращаться к другому способу получения питьевой воды—рыть колодцы. Однако в Хаузаке и Джаугале колодцев почти не было, так как вода при рытье колодцев там появлялась на очень большой глубине—не менее 12 маховых саженей (кулоч). В Джуи Мугул и Кентарыке колодцев было довольно много, вода в колодцах местами появлялась на глубине уже трех маховых сажен. В отдельных хозяйствах колодцы рылись чаще на внешнем дворе около входных ворот, а иногда и за воротами, чтобы сделать пользование ими для посторонних более удобным. Рытьё колодцев для общего пользования считалось богоугодным делом (кори савоб). Колодцы делали с воротом (чарх), имевшим ручку (даста) или 4 вертикально к вороту посаженных рукоятки (парра), при помощи которых веревка с подвешенным ведром наматывалась на ворот; иногда ворот не вращался, а веревку вытаскивали, перекинув через ворот, руками. Ведра в старину были деревянные и кожаные; последние назывались „селоу“ или „даул“. Колодцы были большим подспорьем в снабжении населения питьевой водой, особенно в зимнее время, когда из Ходжа Бакиргана, вследствие малого таяния снега в горах, поступало очень мало воды. Иногда в суровые зимы арыки вообще замерзали, вода же водоемов из-за того, что в нее осыпался лист окружавших деревьев, становилась мало пригодной для питья, а временами ее просто не хватало. К колодцам Кентарыка и Джуи Мугул иногда пригоняли на водопой скот из Джаугаля и Хаузак; в особенно суровые зимы скот гоняли на водопой на Сыр-Дарью, километров за десять от селения.

Разница в высоте стояния грунтовых вод в нижних частях селения Кентарыка и Джуи Мугул, с одной стороны, и в Хаузаке и Джаугале, с другой, сказывалась весьма резко на количестве поливов тех или других сельскохозяйственных культур. Для иллюстрации этого приводим цифры поливов по разным частям Кыстакоза в прежнее время:

Название частей селения	Число поливов за вегетационный период			
	Винограда	Сорго	Пшеницы	Хлопка
Кентарык и Джуи Мугул	3	3—4	1	2—3
Хаузак и Джаугаль	6	8	3	5—6

Возможно, здесь сказывалась и разница почв, ибо в расположенных выше по рельефу местности Хаузак и Джаугале галечники залегают, видимо, гораздо ближе, увеличивая тем способность почвы к фильтрации, в то время как в Кентарыке и Джуи Мугул—„почва—чистый чернозем“ (хокаш бутун хоки сиё), как нам говорили. В то же время заболачивания (зах) не наблюдалось нигде, ни в верхних, ни в нижних частях селения; исключение составляла лишь местность около двух лёссовых холмов, повидимому искусственного происхождения, находящихся в нижней части земель, орошаемых арыками Кентарыка и Джуи мугул.

Ограниченное количество воды, получаемой Кыстакозом из Ходжа Бакирган сая, не давало возможности расширения поливного клина земель. Поскольку вода была строго закреплена за владельцами земель, всякие попытки освоения новых площадей были обречены на неудачу. „Ты присоединил к своей земле не имеющую хозяина землю“, говорили тогда, и не давали воды.

После присоединения края к России положение с водой осталось прежним. Царская администрация не предпринимала ничего для улучшения существовавшей ирригационной сети и не заботилась о постройке новых гидротехнических сооружений. Русские капиталисты, увидев в Туркестанском крае источник для получения ценного сырья—хлопка, начали, правда, вкладывать свои средства, но только лишь во вновь нарождающуюся хлопкообрабатывающую промышленность, в области же увеличения посевов хлопка и улучшения качества волокна ограничились завозом и продажей семян американского хлопка да организацией кабальной системы авансирования дехкан, сеющих хлопок, чтобы гарантировать себе получение определенного количества хлопка-сырца. В части расширения поливных земель население было предоставлено само себе. Правда, некоторыми русскими частными предпринимателями делались попытки ис-

пользования на орошение вод Сыр-Дарьи посредством устройства механизированных водокачек, но такие мероприятия обходились дорого и были недоступны населению. В области правовых отношений в части водопользования коренных изменений тоже внесено не было, и все оставалось попрежнему вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции, после победы которой земли и воды были национализированы. Однако дореволюционные земельно-водные отношения продолжали практически существовать вплоть до проведения земельно-водной реформы (в 1925 г.). Но и земельно-водная реформа изменила лишь сами отношения, а количество воды осталось прежним. Правда, как мы уже говорили, в самом начале установления советской власти головная часть магистрального канала Кыстакоза была зацементирована и население избавилось наконец от трудоемких работ по ежегодному восстановлению головы канала и ремонту магистрального канала, ложившихся, в основном, на плечи трудовых элементов кишлака. Тем не менее, вопрос увеличения посевов поливных культур продолжал оставаться попрежнему нерешенным.

До 1940 года все колхозы современного Ленинадского района, расположенные на левом берегу Сыр-Дарьи, в том числе и колхозы Чкаловского сельсовета, в которых объединилось население б. селения Кыстакоз, для орошения своих земель пользовались водой Ходжа Бакирган сая, распределявшейся между ними Управлением Ходжа Бакирганской оросительной системы. Как уже говорилось, ограниченность ресурсов этого источника водоснабжения тормозила дальнейшее развитие поливного земледелия. В результате этого, а также и все увеличивающейся механизации трудоемких работ по выращиванию хлопка в колхозах, на территории селения Чкаловск стал образовываться некоторый излишек рабочих рук. Это обстоятельство сделало возможным переселение части населения колхозов Чкаловского сельсовета на вновь осваиваемые земли в Вахшской долине, где жители Чкаловска образовали основное ядро колхозников колхоза „Аскар Сурх“ в Ворошиловабадском районе Таджикской ССР. Несомненно также, что значительное число жителей Чкаловска перешло на работу и в бурно развивающуюся промышленность Ленинадской области.

Затруднения с водой были разрешены постройкой Большого Ферганского канала им. Сталина. Эта народная стройка двух братских республик—Узбекистана и Таджикистана—всколыхнула широкие массы трудящихся. Строительство этого грандиозного сооружения было начато в 1939 году. На стройке первой очереди канала, протяженностью в 270 километров, приняло участие 160 тысяч колхозников и колхозниц Узбекистана и Таджикистана. За чрезвычайно короткий срок—в течение полутора месяцев канал был доведен до Канибадама. В январе 1940 года было начато строительство второй очереди канала. Колхозники

Ленинадской области досрочно, в течение всего лишь 15 рабочих дней, закончили земляные работы—было вынуто более миллиона кубометров тяжелого галечного грунта. Канал был доведен до Ленинабада. Работы на этой стройке были начаты 15 января, а 11 февраля руководство строительством рапортовало ЦК КП(б) Таджикистана и Совнаркому Таджикской ССР о досрочном выполнении задания партии и правительства по продлению БФК. Двадцатитысячный коллектив колхозников, инженерно-технического персонала, политработников, работников торговли, искусства, транспорта, медицины в тяжелых зимних условиях построил 79 километров канала. В тот же день партийная организация и правительство Таджикистана рапортовали ЦК ВКП(б) и СНК СССР о выполнении постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 21 октября 1939 года о продлении Большого Ферганского канала им. Сталина до гор. Ленинабада.

В этой народной стройке принимали участие не только колхозники и колхозницы и перечисленные выше категории работников. На строительстве работали и рабочие, служащие промышленных предприятий Ленинадской области, учащиеся средних и высших школ и работники советских учреждений.

Престарелые колхозники, видевшие старую, дореволюционную жизнь, испытавшие сами все трудности старой системы водопользования, когда вода принадлежала наиболее зажиточной верхушке населения и служила дополнительным средством эксплуатации трудящихся дехкан баями, с огромным воодушевлением присоединились к работавшим на стройке своим сыновьям и внукам и личным примером воодушевляли строителей.

Издававшаяся в дни стройки второй очереди БФК многотиражная газета „Сохтмони Сталини“ (Сталинская стройка) полна примеров героического самоотверженного труда колхозников и колхозниц. Зачинателями, инициаторами и организаторами соцсоревнования на этой стройке являлись передовые люди—коммунисты и комсомольцы. В строительстве принимали участие люди самых разнообразных национальностей. Это была поистине всенародная стройка. После окончания земляных работ, когда началась постройка гидротехнических сооружений, в Канибадаме на обширной площади за городом было организовано трехдневное празднование с национальной борьбой и козлодрайем; площадь была заполнена временными зданиями театров, кино, магазинов, столовых; народ ликовал, веселился.

В том же 1940 г. вновь построенный канал подал воду р. Нарына на поля колхозов Ленинадского района. Канал прорезал вдоль, с востока на запад, территорию колхоза им. Маленкова. Все земли колхоза, расположенные по правому берегу канала, т. е. ниже трассы канала по рельефу, с 1940 года стали получать воду из канала, а водой Ходжа Бакирган сая стали орошаться земли по левому берегу канала, лежащие по рельефу местности выше канала, а также и новые земли колхо-

за, находящиеся вблизи селений Аучи-Калъача, т. е. около выхода старого магистрального канала из Ходжа Бакирган сая.

Проведение БФК дало возможность значительно увеличить площадь поливных земель селения.

В настоящее время все занимающееся сельским хозяйством население Чкаловска объединено в одной сельскохозяйственной артели, носящей имя Г. М. Маленкова и представляющей собою современное крупное многоотраслевое коллективное хозяйство. Колхоз владеет большим количеством земли — за ним закреплено в вечное пользование 10336,5 га земли, в том числе поливной 1732 га. В колхозе объединено 1860 хозяйств с населением 8573 чел. Основной отраслью хозяйства колхоза является хлопководство, дающее ежегодно десятки тысяч центнеров хлопка и приносящее колхозу наибольшую часть его доходов. Кроме полеводства и садоводства колхоз занимается и животноводством — на фермах колхоза в 1953 году было около 25 тысяч голов крупного и мелкого рогатого скота и лошадей. В 1952 году валовой доход колхоза им. Маленкова составил около 20 миллионов рублей, а неделимые фонды колхоза на 1 января 1953 года составляли около 26 миллионов рублей.

По договору, заключенному колхозом на 1953 год с Управлением Ходжа Бакирганской оросительной системы, ведающим эксплуатацией вод как Ходжа Бакирган сая, так и БФК (на территории Ленинабадской области), Управление обязалось в течение 1953 года подать колхозу для орошения посевов и насаждений, а также для удовлетворения хозяйственных и бытовых нужд колхоза всего 45 670.435 кубометров воды. При этом нужно отметить, что примерно около 30% этого количества воды подается из Ходжа Бакирган сая, а остальное количество — из БФК. В договоре сказано, что этой водой Управление обеспечивает полив 2312 гектаров посевов колхоза (хлопчатник 1251 га, люцерна 452 га, сады и виноградники 463 га, рис 31 га и прочие культуры 145 га), а также и 331 га приусадебных участков колхозников. Кроме того, для промывки засоленных земель, для предпосевных и предпахотных поливов, а также для зимних поливов подается более 5 миллионов кубометров воды. Известное количество воды подается также и для бытовых нужд и полива участков рабочих и служащих, проживающих на территории Чкаловского поселкового совета и не являющихся членами колхоза.

Со своей стороны, колхоз уплачивает по 0,75 коп. за каждый кубометр поданной для орошения и для других нужд колхоза воды и по 0,35 коп. за каждый кубометр воды, полученной им для промывки засоленных земель. Таким образом, исходя из договорных условий, колхоз в 1953 г. должен был уплатить за воду всего около 330 тысяч рублей, что составит лишь немного более 2% от восемнадцати с лишним миллионов

рублей дохода, полученного колхозом в 1952 году только от растениеводства, не учитывая при этом доходов колхозников от растениеводства же на их приусадебных участках.

Кроме денежной оплаты за воду, колхоз поддерживает надлежащем виде внутриколхозные оросительную систему, гидротехнические сооружения и водомерные устройства, а также проводит планировку полей и их подготовку к поливу.

Для очистки и ремонта государственной оросительной системы колхоз обязуется выделить Управлению оросительной системы в порядке трудучастия для работы в весенний период 1250 рабочих, сроком на 10 дней и в осенний период 175 рабочих сроком тоже на 10 дней. Назначенным на эту работу колхозникам колхоз начисляет труддни в общем порядке.

Такого разрешения вопроса водопользования наше трудовое крестьянство смогло добиться лишь при Советской власти и при колхозном строе, в результате огромных повседневных забот Коммунистической партии и Правительства Советского Союза об укреплении и дальнейшем развитии социалистического хозяйства нашей страны.
